

Жанр прогулки и становление визуальной образности в творчестве П.И. Шаликова («Царицыно», 1804)

Т.А. Алпатова, А.А. Мордирос✉

Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

✉ ant-mordiros@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Актуальность исследования связана с интересом современного литературоведения к проблемам развития визуального начала в искусстве, к истокам индивидуально-творческого оформления авторской картины мира, формировавшейся в рамках жанров сентиментально-предромантической литературы. Фигура П.И. Шаликова позволяет определить, каким образом эти тенденции реализовывались в жанрах «малой» журнальной прозы. **Цель.** Раскрытие путей создания визуального образа в заметке П.И. Шаликова «Царицыно» в контексте становления описательной прозы начала XIX в. **Методы и материалы.** Материалом для исследования стали публикации П.И. Шаликова в журнале «Вестник Европы» (1804), а также привлекаемые для сравнения произведения писателей-современников, прежде всего Н.М. Карамзина. **Результаты.** Результатом исследования явилось установление жанрово-стилистической природы анализируемой заметки, а также уточнение того проблемно-тематического и эстетического наполнения, которое получает в прозе начала XIX в. жанр прогулки. **Выводы.** С учетом карамзинского контекста подобных «путешествий», статья Шаликова, посвященная Царицыну, выглядит как объединение принципиально различных тенденций. Автор стремится предложить читателю максимальное количество полезных сведений об истории усадьбы, ее основных достопримечательностях, о возможностях посещения и тех значимых впечатлениях, которые она может дать, — таким образом, Шаликов вполне очевидно имеет в виду просветительскую задачу. Однако ее реализация оказывается возможна в его глазах лишь сохраняя «чувствительные» принципы повествования, значимой частью которых оказываются не только прямое выражение переживаний повествователя, но и воссоздание «картин» парка, визуальный эффект, в конечном итоге призванный пробудить в душе читателя схожие переживания, реализовать принцип «сочувствия», бывший основой пафоса литературы сентиментализма. Различные способы реализации этого принципа визуальности и составили художественное своеобразие текста.

Алпатова Т.А., Мордирос А.А. (2026)
Жанр прогулки и становление визуальной образности в
творчестве П.И. Шаликова («Царицыно», 1804)
Язык и текст, 13(2), 119—133.

Alpatova T.A., Mordiros A.A. (2026)
The genre of the walk and the development of visual
imagery in the works of P.I. Shalikov ("Tsaritsyno",
1804)
Language and Text, 13(2), 119—133.

Ключевые слова: П.И. Шаликов, Н.М. Карамзин, травелог, прогулка, сентиментализм, поэтика визуальности, садово-парковое искусство

Для цитирования: Алпатова, Т.А., Мордирос, А.А. (2026). Жанр прогулки и становление визуальной образности в творчестве П.И. Шаликова («Царицыно», 1804). *Язык и текст*, 13(2), 119—133. <https://doi.org/10.17759/langt.2026130209>

The genre of the walk and the development of visual imagery in the works of P.I. Shalikov ("Tsaritsyno", 1804)

T.A. Alpatova, A.A. Mordiros✉

State University of Education, Moscow, Russian Federation

✉ ant-mordiros@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The relevance of this study stems from contemporary literary scholarship's interest in the development of visual art and the origins of the individual creative expression of the author's worldview, which developed within the genres of sentimental and pre-romantic literature. The figure of P.I. Shalikov allows us to determine how these tendencies were realized in the genres of "short" magazine prose. **Objective.** To reveal the ways of creating a visual image in P.I. Shalikov's note "Tsaritsyno" in the context of the development of descriptive prose at the beginning of the 19th century. **Methods and materials.** The material for the study was the publications of P.I. Shalikov in the journal "Vestnik Evropy" (1804), as well as the works of contemporary writers used for comparison, primarily N.M. Karamzin. **Results.** The result of the research is the establishment of the genre-stylistic nature of the analyzed note, as well as the clarification of the problematic-thematic and aesthetic content that the genre of the walk received in the prose of the early 19th century. **Conclusions.** Given the Karamzinian context of such "journeys," Shalikov's article on Tsaritsyno appears to be a fusion of fundamentally different tendencies. The author strives to offer the reader as much useful information as possible about the estate's history, its main attractions, the opportunities for visiting, and the meaningful experiences it can provide — thus, Shalikov clearly has an educational goal in mind. However, in his eyes, this realization is only possible by preserving the "sensible" principles of narrative, a significant part of which includes not only the direct expression of the narrator's experiences but also the recreation of "pictures" of the park, a visual effect ultimately intended to evoke similar experiences in the reader, embodying the principle of "empathy" that was the foundation of sentimental literature's pathos. The various ways of implementing this visual principle constitute the artistic originality of the text.

Keywords: P.I. Shalikov, N.M. Karamzin, travelogue, walk, sentimentalism, poetics of visibility, landscape art

For citation: Alpatova, T.A., Mordiros, A.A. (2026). The genre of the walk and the development of visual imagery in the works of P.I. Shalikov ("Tsaritsyno", 1804). *Language and Text*, 13(2), 119—133. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2026130209>

Введение

Одной из основных задач, стоявшей перед русской литературой на рубеже XVIII–XIX вв., был переход от эстетики «готового слова», закреплённого нормативно-традиционалистской, прежде всего жанровой парадигмой, к индивидуально-авторской картине мира, основой которой оказывалось «видение, а не узнавание» (Шкловский, 2016, с. 137), возможность и необходимость непосредственных впечатлений и их творческого закрепления как основы словесного описания. Интерес к этому процессу в исследовательской литературе последних десятилетий весьма значителен (Поташова, 2021), однако осмысление общих тенденций литературной эволюции по-прежнему требует обращения к конкретным эпизодам истории литературы, которые позволили бы не только подтвердить, но в ряде случаев уточнить специфику происходивших в ту пору процессов, их логику и динамику развертывания.

Необходимость «видеть» предметы описания, постепенное отграничение «видения» от «воображения», «традиции» и иных мотивировок обращения к «готовому слову», с трудом признавалась авторами в первые годы XIX в., что заставляет исследователей сосредоточить внимание на специфических жанрах, в наибольшей мере связанных с визуальностью. В этом ряду оказывался в первую очередь жанр путешествия, благодаря авторитету «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина наиболее изученный в этом аспекте (Алпатова, 2015, с. 5–15). Несколько меньшее внимание привлекал жанр «прогулки», синтезировавший ряд художественных принципов травелога и, с другой стороны, – лиризм субъективно-эмоционального представления идиллических/элегических мотивов, нередко структурированный как «фрагмент», востребованный журналистикой позднего российского сентиментализма (Алпатова, 2018, с. 12–15). Исследователи его (Пашкуров, 2010) фиксировали внимание и на литературных опытах П.И. Шаликова. Более известный как автор путешествий, подражавший Н.М. Карамзину, поэт, журналист и переводчик, Шаликов обращался к достаточно широкому кругу популярных жанров рубежа веков, предлагая читателям до известной степени «массовый» вариант усвоения карамзинских художественных открытий – что, безусловно, свидетельствовало об их востребованности и литературной продуктивности. При этом сочинения самого Шаликова, проанализированные как целое, представляли собой эклектическое соединение «старого» и «нового», что на уровне визуальной образности раскрывалось как столкновение «готового слова» с живым впечатлением, выработка языка для которого и составляла главную художественную задачу Шаликова-автора.

На сегодняшний день творческое наследие Шаликова не собрано до конца, не систематизировано и, помимо нескольких «путешествий» (см. «Путешествие в Малороссию» (1803), «Другое путешествие в Малороссию» (1804), а также отчасти «Путешествие в Кронштадт» (1805)) не включено в контекст современного ему развития литературы. В связи с этим целью настоящей статьи является анализ прозаической заметки «Царицыно», опубликованной в журнале «Вестник Европы» (1804, № 11), с учетом его жанровой специфики и возможностей оформления визуального начала в тексте. Напечатанная в журнале в период редактирования его П.П. Сумароковым, эта публикация Шаликова

Алпатова Т.А., Мордирос А.А. (2026)
Жанр прогулки и становление визуальной образности в
творчестве П.И. Шаликова («Царицыно», 1804)
Язык и текст, 13(2), 119—133.

Alpatova T.A., Mordiros A.A. (2026)
The genre of the walk and the development of visual
imagery in the works of P.I. Shalikov ("Tsaritsyno",
1804)
Language and Text, 13(2), 119—133.

отвечала задачам переориентации «Вестника Европы» с политических на чисто литературные интересы, идеалы «чувствительности» и «занимательности», в целом характерные для «позднего сентиментализма». При этом освоение «чувствительного» начала во всё более индивидуализированном варианте позволяло авторам отдаляться от устоявшихся жанровых моделей, по-своему решая литературную задачу эпохи и «открывая» окружающий мир во всем его многообразии.

Актуальность исследования связана с интересом современного литературоведения к проблемам развития визуального начала в искусстве, к истокам индивидуально-творческого представления авторской картины мира, оформлявшейся в рамках жанров сентиментально-предромантической литературы.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выявить специфику представления визуального начала в «малых травелогах» первых десятилетий XIX века; 2) разграничить элементы «готового слова» и непосредственных авторских впечатлений, оформляющихся в тексте; 3) определить место П.И. Шаликова в развитии визуальной образности позднего русского сентиментализма.

Материалом для исследования стала публикация П.И. Шаликова «Царицыно», напечатанная в журнале «Вестник Европы» (1804, № 11, с. 219–229; подписано: «К. III–въ»), а также примеры «малых травелогов» и «прогулок» в творчестве Н.М. Карамзина: «Прогулка» («Детское чтение для сердца и разума», ч. XVIII, с. 161–175), «Путешествие вокруг Москвы. Письмо первое из Коломны от 14 сентября» («Вестник Европы», 1803, ч. VII, № 4, с. 278–289), «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре» («Вестник Европы», 1802, ч. IV, № 15, с. 207–226; № 16, с. 284–304; 1803, ч. V, № 17, с. 30–47) и более поздние публикации, посвященные прогулкам в Царицыно и эстетически связанные с традициями позднего сентиментализма: А.Ф. Воейков «Царицыно» («Новости литературы», 1825, кн. XI, январь, с. 1–12).

Теоретическую базу для настоящего исследования составили работы, посвященные художественно-эстетическому своеобразие и историко-литературному значению произведений авторов-карамзинистов, в том числе представляющих т.н. «поздний сентиментализм». Его историко-литературное значение было обосновано Ю.М. Лотманом, определившим феномен «неопределенности» и «незавершенности» эстетических процессов, происходивших в литературе 1790-х – 1800-х годов, как залог ее особого «культурного смысла» (Лотман, 1971, с. 6). Исследователь видел истоки того значения, которое карамзинизм имел для становления нового, индивидуально-творческого этапа развития литературы, в разнообразии авторских индивидуальностей, художественных устремлений, жанрово-стилистических принципов, которые оказывались возможны для его представителей; по мысли Лотмана, карамзинизм «...мог занять такое положение в силу своей теоретической и практической широты, граничившей с эклектизмом» (Лотман, 1971, с. 14). В рамках этой палитры частные сферы творческого поиска обретали смысл, даже если внешне казались незначительными. Они включались в более масштабные процессы трансформации, сохраняя своеобразие – как на уровне авторской задачи творческого самовыражения, так и в рамках выработки эстетических поисков.

Анализ путей становления визуальности в рамках творчества писателей-сентименталистов требует опоры на общие теоретические принципы ее изучения, сложившиеся в трудах Н.Д. Кочетковой, А.Н. Пашкурова (Пашкуров, 2010), А. Шёнле (Шёнле, 2004), К.А. Поташовой

(Поташова, 2021) и др. Для оценки того места, которое П.И. Шаликов занял в развитии русского сентиментализма, важное значение имеют работы Е.Н. Дрыжаковой (Дрыжакова, с. 1995–1996, с. 271–283), по достоинству оценившей наследие автора как вполне соответствовавшее эстетическим требованиям и читательским запросам эпохи, благодаря чему Шаликов начинает оцениваться не как пародийная фигура, мишень для насмешек, но вполне серьезно – и в рамках литературных и журнальных споров эпохи, и как автор, со своей, пусть и подражательной эстетической «программой». Ее осмысление дается в трудах В.А. Мильчиной (Мильчина, 2020, с. 106–136), О.В. Мамуркиной (Мамуркина, 2014, с. 14–19), О.В. Кублицкой (Кублицкая, 2022, с. 288–303), В.Н. Ершовой (Ершова, 2007, с. 11–26) и др.

Центральной проблемой в изучении визуальности литературы рубежа XVIII–XIX вв. видится выработка художественных средств для передачи зримых впечатлений в слове. Для изучаемого периода проблема эта видится особо значимой, поскольку разнообразные традиции дескриптивной литературы, причем как прозы, так и поэзии, предполагали в этот период в той или иной форме «интеллектуализацию», переосмысление непосредственного впечатления, которое могло превращаться в иносказание, вытесняться литературно-культурными реминисценциями, растворяться в устойчивых риторических «общих местах». В связи с этим наиболее ценными для изучения специфики визуализации в литературе той поры представляются идеи К.А. Поташовой, разработавшей концепцию многоуровневых путей создания визуального образа, которые могли различно реализовываться в текстах разного жанрового «задания», что в конечном итоге позволяет оценить специфику выраженности визуального начала (Поташова, 2021). Исследовательская мысль, обращенная к более позднему периоду литературного развития, предполагает установку на то, что «за внешней описательностью скрываются более глубокие смысловые пласты» (Никитина, 2025, с. 74). Однако оригинальность и эстетическая осмысленность произведений 1790–1800-х гг. предполагала в первую очередь выработку приемов описания, что и определило предмет и задачи статьи.

Методология статьи базируется на познавательном-ценностном подходе к художественному произведению, позволяющему раскрыть пути реализации визуального образа в художественном тексте, что представляется особенно важным при обращении к произведениям «усадебной» тематики, устанавливавшим неразрывную связь слова и живой реальности, обретавшей в описании особый уровень словесного инобытия (Абашев, Фирсова, 2010, с. 98–104).

Результаты

Увлечение путевой литературой, укрепившееся в России на рубеже XVIII–XIX вв., отразилось как в «больших» травелогах, ярчайшим образцом которых были «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, так и в небольших «этюдах», представлявших отдельный локус, будь то вполне реальный, узнаваемый или стилизованный, хотя обычно сохранявший ассоциативную связь с реальным перемещением героя-рассказчика в пространстве. В творчестве Карамзина эту разновидность путевой литературы представляли прозаические этюды «Деревня» и «Прогулка» (Алпатова, 2018, с. 12–14), а также сочинения сложной жанровой природы, т.н. «путешествия по подмосковным усадьбам» (Никитина, 2025, с. 71–88), которые могут быть названы и «малыми травелогами»: «Путешествие вокруг

Москвы», «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре», «Сельский праздник и свадьба» и др. Элементы их можно видеть и в повести «Бедная Лиза» (в связи с описанием мест вокруг Москвы, а также Симонова монастыря), и несколько более обобщенно – в «симбирских» описательных мотивах повести «Рыцарь нашего времени». Последователи и подражатели Карамзина в 1800-е годы развивали эту разновидность путевой прозы, центром которой становилось описание топографически конкретного локуса, причем сталкивали в подобных текстах различные жанровые традиции. Среди них, более или менее правомерно с точки зрения жанрового подхода, исследователи перечисляют очерки, воспоминания, описания, исторические экскурсии, биографии и др. (Никитина, 2025, с. 74). Однако на первом месте все же остаются элементы травелога, с одной стороны, и с другой – эмоционально-субъективного жанра «прогулки», популярность которому в западноевропейской и русской литературе принесли «Прогулки одинокого мечтателя» Ж.-Ж. Руссо (1771–1778 гг.).

Переплетение мотивов пути как движения в пространстве и трансформации человеческой души было основой жанрового задания подобных текстов что нередко приводило к ситуации, когда внешний «сюжет» путешествия, непосредственные, в том числе визуальные впечатления уходили на второй план, а то и вытеснялись аллегорическими либо субъективно-эмоциональными элементами. Прозаическая заметка П.И. Шаликова «Царицыно» представляла собой как раз подобный синкретичный текст, в котором разноплановые жанровые «задания» в итоге обусловили различные принципы представления парка. Ее публикация на страницах журнала «Вестник Европы» предполагает необходимым видеть заданный Карамзиным контекст представления подобных «травелогов» на страницах издания. При этом ориентация Шаликова на карамзинскую традицию выстраивания собственного текста вполне согласовывалась как с литературой позиции большинства из представителей позднего русского сентиментализма, так и с творческими установками самого писателя. Осознавая Карамзина главой новой литературной школы, он ориентировался преимущественно на предложенные им модели «чувствительного» постижения окружающего мира, которые в полной мере раскрылись в «малых травелогах», «путешествиях», «прогулках» по подмосковным усадьбам (Дрыжакова, с. 1995–1996, с. 271–283).

В центре подобных повествований Карамзина сохраняется найденный им уже в «Письмах русского путешественника» специфический тип повествователя-путешественника, активного, увлеченного, разнообразные интересы которого позволяли ему использовать целый ряд «масок», как интериоризированной личности, так и открытой внешним впечатлениям. Карамзин насыщает тексты историческими, топографическими, культурными, автобиографическими, литературными и др. ассоциациями. При этом передвижение карамзинского героя-путешественника по значимым для него местам вокруг Москвы развивает художественные принципы, намеченные в «Письмах...», и в то же время предлагает более последовательный исторический и культурологический нарратив, сокращая субъективно-эмоциональные элементы. Примечательно при этом, что, завершая «письмо первое» «Путешествия вокруг Москвы», карамзинский герой обещает своему другу-читателю «быть и маляром, если не живописцем» (289), предполагая собственно дескриптивные композиционные элементы в тексте менее значимыми, нежели просветительские.

С учетом карамзинского контекста подобных «путешествий», статья Шаликова, посвященная Царицыну, выглядит как объединение принципиально различных тенденций. Автор стремится предложить читателю максимальное количество полезных сведений об истории усадьбы, ее основных достопримечательностях, о возможностях посещения и тех значимых впечатлениях, которые она может дать, – таким образом, Шаликов вполне очевидно имеет в виду просветительскую задачу. Однако ее реализация оказывается возможна в его глазах лишь сохраняя «чувствительные» принципы повествования, значимой частью которых оказываются не только прямое выражение переживаний повествователя, но и воссоздание «картин» парка, визуальный эффект, в конечном итоге призванный пробудить в душе читателя схожие переживания, реализовать принцип «сочувствия», бывший основой пафоса литературы сентиментализма. Различные способы реализации этого принципа визуальности и составили художественное своеобразие текста.

Обсуждение результатов

Одно из основных отличий заметки Шаликова – выраженная интертекстуальность, когда просветительское и эмоционально-выразительное начала раскрывались во взаимодействии с очевидными и авторитетными в глазах «идеального» читателя претекстами. В «больших» путешествиях Шаликова эту роль обычно выполняли «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина (Мамуркина, 2014, с. 14–19), «Царицыно» же в качестве основного текста-источника представляло читателю описательную поэму Ж. Делиля «Сады», несколько цитат из которой, в том числе эпиграф, стоящий в однозначной «сильной» позиции текста, свидетельствовали о стремлении автора вписаться в литературную традицию, обозначенную поэмой. По мысли Н.Ф. Жирмунской, она открывала русской литературе на рубеже XVIII–XIX вв. возможность поэтической системы, которая позволила бы соединить сад и слово, найти адекватный язык, позволяющий органично взаимодействовать устойчивым элементам «готового» слова и постепенно открывавшимся индивидуально-авторским впечатлениям (Жирмунская, 1987, с. 171–190).

Обращаясь к этому источнику в том числе в стремлении найти «язык» для передачи визуального впечатления в слове, Шаликов следовал вполне в духе традиций карамзинизма. Фрагменты поэмы Делиля во множестве присутствовали в «Письмах русского путешественника»; перевод ее на русский язык был выполнен в 1808 году А.Ф. Воейковым, и в целом внимание к ней было важной сферой развития для сентиментально-предромантического крыла русской литературы той поры (Никитина, 2025, с. 71–88). При этом, в отличие от Воейкова, Шаликов не пытается полемизировать с Делилем, делая его строки основой собственной художественной системы, акцентируя внимание на идее: благодарность природе за те прекрасные впечатления, которые она дарует человеку, и становятся источником поэтического вдохновения («Beaux lieux qui nourrifloient ma poétique ivresse // J'ai juré fur ces monts, et je tiens mon ferment, // De payer mon hommage à ton site charmant» (219). Цитируя Делиля, Шаликов оформляет основной вектор своего текста: представить многогранное описание садово-паркового ансамбля, уравновесив в нем сферы, различные по генезису и прагматической роли, прийти к желанному единству рационального и эмоционального, воображаемого и наблюдаемого в непосредственной близости.

Царицыно с этой точки зрения представляло собой весьма интересный объект. Этот садово-парковый ансамбль, появившийся за несколько десятилетий до описания,

выполненного Шаликовым, так и не стал императорской резиденцией, что создавало вокруг него особую «семантику чувств» (Лихачев, 1998, с. 274–289), наполняя ассоциативный ореол прежде всего элегической атмосферой несостоявшихся надежд, превращая «воспоминания» о прошлом парка в своеобразные «воспоминания о несбывшемся». К моменту создания текста наиболее значительным в российской литературе опытом элегического представления садово-парковой резиденции было стихотворение Г.Р. Державина «Развалины», созданное по впечатлениям от царскосельского парка, «осиротевшего» после смерти Екатерины II (написано в 1797 г. и впервые опубликовано в России в сборнике поэта «Анакреонтические песни» 1804 г.). Рассказывая о Царицыне, Шаликов эксплуатирует тот же поэтический миф, несколько смягчая его – возможно, потому что парк был отвергнут императрицей сознательно, о чем автор статьи избегает упоминать. В его интерпретации присутствует очень подробное описание того, каким образом это пространство привлекло Екатерину и было избрано ею для резиденции. Что же касается причин, по которым парк покинули его прежние владельцы (в кратком исторической очерке Царицына присутствуют сведения о Годуновых, Кантемирах и Екатерине), то это происходит по вполне благоприятным для «репутации» парка причинам. Кантемир (имя которого не уточняется, отчего в тексте возникает устойчивая иллюзия, будто речь идет о поэте) отдает «прекрасное романтическое жилище свое» (220), потому что ««Оно понравилось Екатерине, оно принадлежит Владычице полсвета”...» (220). Сама же Екатерина уходит из этого пространства словно бы вследствие естественного движения времени, сохраняя по себе память в локусах парка: «Прежде всего взор и сердце ищут здесь следов Великой Помещицы сего прекрасного владения – <...> Она была в нем; Она любовалась им; дала имя ему, которого оно достойно – имя, которое сливается в мыслях с Любезным Именем Любезнейшей Царицы!» (220).

Шаликов объединяет в описании сведения об истории Царицына и субъективно-эмоциональное, насыщенное личными впечатлениями представление его современного состояния. При этом изображение усадьбы в различные эпохи насыщено своеобразными «персонажами»: к «прошлому» относятся Годуновы, Петр I, князь Кантемир (причем реального Сергея Дмитриевича Кантемира, при котором усадьба перешла в казну, заменяет в повествовании более созвучный эмоциональному миру автора Кантемир-поэт: «иногда я любил сидеть <в беседке> ... и думать о Кантемире – Поэте, которого память должна быть любезна питомцу Русских Муз» (226)), Екатерина II; к «современности» – Александр I, П.С. Валуев, А.А. Беклешев, князь Я.Л. Грузинский (управлявший Царицыном с 1803 г.), его семейство и многочисленные не названные посетители парка («Грации», «гуляющие», «сельские нимфы», «музыканты», «певчие», «гости» и др.). Столь насыщенная система персонажей также становится своеобразной отсылкой к карамзинской традиции, в которой путешествие осмысливается в том числе как практика постижения социума. «Путешествуй, Мизантроп, чтобы полюбить человечество...», – этот призыв со страниц «Писем русского путешественника» отнюдь не был определяющим для «чувствительного» жанрового задания, в большей степени ориентировавшего текст на выполнение просветительской функции. «Персонажи» Шаликова также связаны с различными сферами существования парка, при этом их подчеркнутая субъективная значимость для чувствительного рассказчика позволяет сохранить столь важную для него эмоциональную установку на заинтересованное, сочувственное восприятие того, что открывается в визуальном образе парка как целого и отдельных его частей.

Центральным компонентом заметки становится собственно дескриптивный фрагмент, в соответствии с жанровыми традициями очерковой, в том числе путевой прозы той поры раскрывающий своеобразный «сюжет» (Климентьева, 2011, с. 32–40), главным принципом которого оказывается динамическое взаимодействие различных начал: внешнего и внутреннего, исторического и современного, идиллического и элегического и т.п. Модель «прогулки» при этом (то есть «путешествия» предельно субъективизированного, совершаемого по сугубо внутренним причинам, «для удовольствия», «свободного», без выраженной внешней цели, и при этом развертывающегося в локальном, обозримом пространстве) позволила Шаликову предложить читателю те сведения об «отвержении» Царицына, которые были невозможны в сугубо историческом контексте. При этом возможность ввести их в описание возникает именно благодаря передаче внешнего впечатления, притом оригинального, непосредственного, что составляет достаточно редкий у Шаликова пример непосредственного визуального образа.

Предлагая читателю представить «вид Царицына» (притом вполне конкретный – «Когда подъедете к нему Каширскою дорогою» (222)), Шаликов подробно воссоздает специфический облик дворца, построенного М.Ф. Казаковым на месте снесенного по приказу императрицы здания В.И. Баженова: «Черная крышка Дворца (Готического), которую только и видите, и множество окружающих ее башен, с черными же верхами и шпицами по бокам, представят взору – живо и совершенно – крышку гроба и Кармелитов или Францисканцев с печальными факелами...» (222). Это подробное описание, очевидно, окрашено иронией – не случайно, представляя его, Шаликов говорит об «игре Оптики» и даже предсказывает «идеальную» для подобного случая читательскую реакцию: «Смеетесь и досадуете на такую неудачную выходку Архитектуры» (222). Непосредственное визуальное впечатление представляется в тексте как неприятное, усиливая антитетическое представление о том, что могло бы быть на этом месте («первый Дворец – который был, сказывают, хорош чрезвычайно...» (222)). Взаимодействие непосредственного визуального впечатления и оценок («хорош чрезвычайно», «очень дурен»), того, что можно увидеть, и того, что сохранилось только в воспоминаниях и устных преданиях, «слухах», задает в данном случае характерный для позднего сентиментализма контраст эмоционально-эстетических векторов, который и будет поддерживаться в дальнейшем.

Идиллический, привлекательный вид Царицына представлен развернутым описанием, визуальный ряд которого, хотя и раскрывает облик парка, выстроен из вполне узнаваемых деталей и элементов: «Обширные, подобно морям пруды, на которых плавают разноцветные шляпки <...> за которыми шумят густые березовые рощи; красивой каменный мост <...> романтические острова; живописная купальня <...>; наконец, прекраснейший Англинский сад, с широкими аллеями, в которые любопытный Феб никак заглянуть не может, с волшебными дорожками <...> с уединенною галереєю, которую можно назвать Храмом Меланхолии; другой фруктовый сад, с богатыми в свете оранжереями...» (223). При этом визуальные образы сопровождаются характеристиками тех эмоциональных реакций, которые они могут вызывать у чувствительного зрителя: «сладостная улыбка явится на устах ваших», «живое удовольствие засияет во взорах» (223); «пленительное», «бесценное» Царицыно – те характеристики парка, которые неизбежно возникают у всякого, кто оказывается в этом чудесном пространстве.

Сам герой представляет свое знакомство с Царицыно уже непосредственно в сюжете «прогулки». Несмотря на небольшой объем заметки, она четко и подробно структурирована, таким образом, что каждый элемент структуры овеян целым рядом культурно-ассоциативных деталей, которые, в свою очередь, будут определять описание эпизода. Это «кабинет» (в котором рассказчик оказывается, попав в Царицыно; своеобразная отправная точка его «прогулки») – «путь по парку» (последовательное движение, вектор знакомства с собственным внутренним состоянием через «внешнее», т.е. впечатления, даруемые парком) – Кантемирова беседка (своеобразная кульминация, центральная точка «духовного путешествия») – купальня – обед – гулянья, вначале на воде, а затем и на суше, песни и пляски народа, идиллическое довольство которого подчеркивает почти анекдотический случай, когда крестьянин угощает посетителей шампанским, завершает заметку. Просветительская и дескриптивная задачи в данном случае не позволили, разумеется, повествованию Шаликова превратиться в аллегорическое путешествие к «мудрости», «истине» и т.п. онтологически важным целям личностного развития героя, однако в целом «маршрут» его движения, особенно в первой части прогулки, очевидно связан с традициями осмысливать перемещение в пространстве как путь познания себя, личностную инициацию, духовное становление. Соответственно, отдельные элементы на этом пути описываются также на стыке непосредственного видения и культурно-ассоциативного «представления о должном» – «кабинете», «пути», «месте беседы с мудрецом», «насыщении», «чувственном» и «духовном» наслаждении и т.п.

Отдельные части садово-паркового ансамбля, на которых фиксирует внимание рассказчик, предлагают свой ореол культурно-исторических и эмоциональных ассоциаций, иной раз заслоняющих живое непосредственное впечатление. «Кабинет», который герой-путешественник обретает в Царицыне благодаря гостеприимству супруги управителя, князя Грузинского, соотносится с уединенным жилищем отшельника и имеет в себе лишь то, что необходимо для творчества: «ввела меня в особливую комнату <...> указала стол, чернильницу, бумагу – одним словом, в ученый кабинет...» (224) – единственное для истинного мудреца место, где он может достичь идеала «покоя и удовольствия». Парк вызывает ассоциации с прославленными французскими парками, которые перечисляются с отдельными деталями: «Фонтенбло, где роскошный Франциск препровождал время свое среди пиров и красавиц; ... Шантильи, где Великий Генрих таял геройским сердцем в страсти к прелестной Габриэли; <...> Марли, где щастливый Лудовик услышал из уст нежной Лавальер: *люблю тебя!*» (225). Описание в данном случае очевидно вытесняется литературно-культурными ассоциациями, в основе которых лежат «Письма русского путешественника», а также названные в тексте французские поэты (Шольё, Лафар, Делиль), причем внешние впечатления заменяются и мечтами рассказчика, в данном случае в полной мере раскрывая те эмоционально-субъективные возможности, которые давал жанр прогулки: «Путь мой начинался, обыкновенно, любимую моею дорожкою; подле пруда – ровною и широкою – которая служит ему прелестною набережною. Идучи по ней, я уносил, так сказать, взорами тысячу приятных предметов, которые потом в густых тенях, в безмолвном уединении занимали мое воображение» (225).

Намеченные в предложенном Шаликовым описании Царицыно динамичные переходы между различными состояниями, лиризм, определяемый соотношениями с разными поэтическими жанрами («одическое» в воспоминаниях о Екатерине Второй, «элегическое» в

намеках об отвержении Царицыно, «идиллическое» в представлении парка, и особенно образов «сельских Нимф» и крестьян), станут основой для литературного осмысления садово-паркового ансамбля и в дальнейшем. Примером того, как этот подход развивался в литературе 1820-х годов, становится также выполненная в жанре «прогулки» статья о Царицыно, опубликованная в 1825 г. А.Ф. Воейковым в январском выпуске журнала «Новости литературы» (Никитина, 2021, с. 2912–2921). Здесь гораздо более выражен пафос индивидуально-авторского постижения жизненных впечатлений, сложнее и разнообразнее система литературных реминисценций, автобиографических намеков, индивидуализированных элементов «домашней» семантики текста, понятного «для немногих». Описание Шаликова ближе традициям «путешествий» XVIII века, однако синкретическая жанровая природа текста позволила писателю не только разнообразить его эмоциональное наполнение, но и усложнить, динамизировать его визуальный ряд, соединив «общие места» садово-парковых описаний с элементами непосредственных визуальных впечатлений.

Заключение

Проведенный анализ заметки П.И. Шаликова «Царицыно», опубликованной в 1804 г. в журнале «Вестник Европы», позволил проследить динамику отражения в творчестве писателя художественных процессов, характерных для выработки новых принципов визуализации в литературе рубежа XVIII–XIX вв. Вписывая в карамзинскую традицию свой текст, в жанровой природе которого соединились черты очерка, травелога и «прогулки», Шаликов оригинально интерпретирует пути трансформации мотивов «путешествия», наметившиеся в «Вестнике Европы» как своего рода «открытие ближнего», обращение к материалам отечественной истории, культуры и искусства (что начиная с карамзинских текстов связывается с историческими и культурными памятниками Подмосковья). В тексте Шаликова благодаря сложной системе реминисценций как из произведений западноевропейской литературы, прежде всего Ж. Делиля, так и из «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина осмысление Царицыно оказывается на стыке российского и западноевропейского контекстов. Герой-повествователь отталкивается от непосредственных визуальных впечатлений (внешний облик дворца, перечисление знаковых деталей парка), и в то же время воспринимает его в контексте историко-культурных и эстетических ассоциаций, связанных с садами Западной Европы. Ключевое значение в тексте приобретают жанровые признаки прогулки, мотивы которой обеспечивают одновременно свободу индивидуальных ассоциаций (в том числе закрепленных традицией) и возможность представлять через визуальный образ историко-культурные аллюзии, иначе невозможные для рассказа о Царицыно как отвергнутом пространстве. Таким образом, раскрывшиеся в проанализированном тексте жанрово-стилевые тенденции позволяют вписать его в контекст развития описательной прозы первых десятилетий XIX в., а также уточнить роль и место П.И. Шаликова в русской литературе той поры.

Список источников / References

1. Абашев, В.В., Фирсова, А.В. (2010). План местности: литература как путеводитель. *Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология*, 4 (10), 98–104.

Алпатова Т.А., Мордирос А.А. (2026)
Жанр прогулки и становление визуальной образности в
творчестве П.И. Шаликова («Царицыно», 1804)
Язык и текст, 13(2), 119—133.

Alpatova T.A., Mordiros A.A. (2026)
The genre of the walk and the development of visual
imagery in the works of P.I. Shalikov ("Tsaritsyno",
1804)
Language and Text, 13(2), 119—133.

- Abashev, V.V., Firsova, A.V. (2010). Map of the area: literature as a guide. *Bulletin of Perm University. Series: Russian and Foreign Philology*, 4 (10), 98–104. (In Russ.).
2. Алпатова, Т.А. (2015). *Зрение как литературно-культурный код в жанре путешествия русского сентиментализма (А.Н. Радищев – Н.М. Карамзин)*. Slavica Wratislaviensia. T. CLXI. Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich. 11. Zmysły, 2, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 5–15.
Alpatova, T.A. (2015). *Vision as a literary and cultural code in the travel genre of Russian sentimentalism (A.N. Radishchev - N.M. Karamzin)*. Slavica Wratislaviensia. T. CLXI. Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich. 11. Zmysły, 2, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 5–15. (In Russ.).
3. Алпатова, Т.А. (2018). Пасторальные мотивы в прозаических этюдах Н.М. Карамзина. *Казанская наука*, 11, 12–14.
Alpatova, T.A. (2018). Pastoral motifs in the prose sketches of N.M. Karamzin. *Kazan Science*, 11, 12–14. (In Russ.).
4. Дрыжакова, Е.Н. (1995–1996). *А.С. Пушкин и князь Шаликов*. Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В.Э. Вацура / [Сост. Е.О. Ларионова и др.]. М.: Новое литературное обозрение, 271–283.
Dryzhakova, E.N. (1995–1996). *A.S. Pushkin and Prince Shalikov*. New Trinkets: A Collection of Articles for the 60th Anniversary of V.E. Vatsuro / [Compiled by E.O. Larionova et al.]. Moscow: New Literary Review, 271–283. (In Russ.).
5. Ершова, В.Н. (2007). Журналист П.И. Шаликов: материалы к биографии. *Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение*, 9, 11–26.
Ershova, V.N. (2007). Journalist P.I. Shalikov: materials for a biography. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, 9, 11–26. (In Russ.).
6. Жирмунская, Н.А. (1987). *Жак Делиль и его поэма «Сады»*. Делиль Ж. Сады / подг. изд.: Н.А. Жирмунская, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, И.Я. Шафarenко. Л.: Наука, 171–190. (Сер.: Лит. памятники).
Zhirmunskaya, N.A. (1987). *Jacques Delisle and his poem "Gardens"*. Delisle J. Gardens / prepared by: N.A. Zhirmunskaya, D.S. Likhachev, Yu.M. Lotman, I.Ya. Shafarenko. Leningrad: Nauka, 171–190. (In Russ.).
7. Климентьева, М.Ф. (2011). *Дескрипция как ресурс сюжетной прозы (на материале журнальной описательной прозы 1810–1830-х гг.)*. Документальные аспекты литературы. Новосибирск: РИЦ НГУ, 32–40.
Klimentyeva, M.F. (2011). *Description as a resource of plot prose (based on magazine descriptive prose of the 1810–1830s)*. Documentary aspects of literature. Novosibirsk, 32–40. (In Russ.).
8. Кочеткова, Н.Д. (1994). *Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания*. Л.: Издательство «Наука», 279.
Kochetkova, N.D. (1994). *Literature of Russian sentimentalism. Aesthetic and artistic searches*. Leningrad: Nauka Publishing House, 279. (In Russ.).

Алпатова Т.А., Мордирос А.А. (2026)
Жанр прогулки и становление визуальной образности в
творчестве П.И. Шаликова («Царицыно», 1804)
Язык и текст, 13(2), 119—133.

Alpatova T.A., Mordiros A.A. (2026)
The genre of the walk and the development of visual
imagery in the works of P.I. Shalikov ("Tsaritsyno",
1804)
Language and Text, 13(2), 119—133.

9. Кублицкая, О.В. (2022). Субъектная структура путешествий «массового сентиментализма» (на материале «Путешествия в Малороссию» П.И. Шаликова). *Научный диалог*, 11 (7), 288–303. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303>
Kublitskaya, O.V. (2022). Subjective structure of travels of "mass sentimentalism" (based on "Travel to Little Russia" by P.I. Shalikov). *Scientific Dialogue*. 11, 7, 288–303. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303> (In Russ.).
10. Лихачев, Д.С. (1998). *Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст*. М.: Издательство «Согласие».
Likhachev, D.S. (1998). *Poetry of Gardens. On the Semantics of Landscape Gardening Styles. Garden as Text*. Moscow: Soglasie Publishing House. (In Russ.).
11. Лотман, Ю.М. (1971). *Поэзия 1790–1810-х годов. Поэты 1790–1810-х годов*. Вступительная статья и составление Ю.М. Лотмана, подготовка текста М.Г. Альтшуллера. Л.: Издательство «Наука», 5–62.
Lotman, Yu.M. (1971). *Poetry of the 1790s–1810s. Poets of the 1790–1810s*. Introductory article and compilation by Yu.M. Lotman, preparation of the text by M.G. Altshuller. Leningrad: Publishing house "Nauka", 5–62. (In Russ.).
12. Мамуркина, О.В. (2014). «Пускай их Шаликов поёт»: Элементы интертекста в travelogue «Путешествие в Малороссию». *Пушкинские чтения*, 14–19.
Mamurkina, O.V. (2014). "Let Shalikov Sing": Elements of Intertext in the Travelogue "Journey to Little Russia". *Pushkin Readings*, 14–19. (In Russ.).
13. Мильчина, В.А. (2020). Культура примечаний: князь Петр Иванович Шаликов переводит Виконта Франсуа-Рене де Шатобриана. *Шаги / Steps*, 6, 20, 106–136. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2020-6-3-106-136>
Milchina, V.A. (2020). Culture of Notes: Prince Pyotr Ivanovich Shalikov Translates Viscount François-René de Chateaubriand. *Steps*, 6, 20, 106–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/24129410202063106136>
14. Никитина, Д.М. (2021). Жанровые особенности описаний А.Ф.Воейковым подмосковных усадеб. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 14 (10), 2912–2921.
Nikitina, D.M. (2021). Genre Features of A.F. Voeikov's Descriptions of Estates Near Moscow. *Philological Sciences. Theory and Practice Issues*, 14 (10), 2912–2921. (In Russ.).
15. Никитина, Д.М. (2025). Литературный диалог и полемика А.Ф. Воейкова с Ж. Делилем: от перевода поэмы «Сады, или Искусство украшать сельские виды» к «путешествиям» по подмосковным усадьбам. *Проблемы исторической поэтики*, 23 (3), 71–88. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2025.15302>
Nikitina, D.M. (2025). "Literary Dialogue and Polemics between A. F. Voeikov and J. Delisle: From the Translation of the Poem "Gardens, or the Art of Decorating Country Views" to "Traveling" to Estates Near Moscow". *Problems of Historical Poetics*, 23 (3), 71–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.15393/j9.art.2025.15302>
16. Пашкуров, А.Н. (2010). *Поздний русский сентиментализм: диалог идиллического и элегического*. Казань: Казанский государственный университет.

Алпатова Т.А., Мордирос А.А. (2026)
Жанр прогулки и становление визуальной образности в
творчестве П.И. Шаликова («Царицыно», 1804)
Язык и текст, 13(2), 119—133.

Alpatova T.A., Mordiros A.A. (2026)
The genre of the walk and the development of visual
imagery in the works of P.I. Shalikov ("Tsaritsyno",
1804)
Language and Text, 13(2), 119—133.

Pashkurov, A.N. (2010). *Late Russian Sentimentalism: Dialogue of the Idyllic and the Elegiac*.
Kazan: Kazan State University. (In Russ.).

17. Поташова, К.А. (2021). *Традиции и новаторство русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века в аспекте усвоения опыта живописи*. М.: ФЛИНТА.
Potashova, K.A. (2021). *Traditions and innovation of Russian literature at the end of the XVIII – first third of the XIX century in the aspect of assimilation of the experience of painting*.
Moscow: FLINTA. (In Russ.).
18. Шёнле, А. (2004). *Травелог как ритуал социальной интеграции (князь П.И. Шаликов)*.
Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий.
1790–1840. СПб.: Изд-во «Академический Проект».
Schönle, A. (2004). *Travelogue as a ritual of social integration (Prince P.I. Shalikov)*.
Authenticity and fiction in the author's self-awareness of Russian travel literature. 1790-1840.
Saint Petersburg: Academic Project Publishing House. (In Russ.).
19. Шкловский, В.Б. (2016). *Искусство как прием*. Формальный метод. Антология русского
модернизма. Москва, Екатеринбург: Изд-во «Кабинетный ученый», 1, 131–147.
Shklovsky, V.B. (2016). *Art as a device*. Formal method. Anthology of Russian modernism.
Moscow, Yekaterinburg: Publishing house "Cabinet scientist", 1, 131–147. (In Russ.).

Информация об авторах

Татьяна Александровна Алпатова, доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, факультет русской филологии, Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6852-0537>, e-mail: alpatova2005@yandex.ru

Антон Александрович Мордирос, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, факультет русской филологии, Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5420-4009>, e-mail: ant-mordiros@yandex.ru

Information about the authors

Tatiana A. Alpatova, Doctor of Science (Philology), Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Russian Philology, State University of Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6852-0537>, e-mail: alpatova2005@yandex.ru

Anton A. Mordiros, PhD student, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Russian Philology, State University of Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5420-4009>, e-mail: ant-mordiros@yandex.ru

Вклад авторов

Все авторы внесли равный вклад в концепцию, проведение исследования, анализ данных и подготовку рукописи.

Алпатова Т.А., Мордирос А.А. (2026)
Жанр прогулки и становление визуальной образности в
творчестве П.И. Шаликова («Царицыно», 1804)
Язык и текст, 13(2), 119—133.

Alpatova T.A., Mordiros A.A. (2026)
The genre of the walk and the development of visual
imagery in the works of P.I. Shalikov (“Tsaritsyno”,
1804)
Language and Text, 13(2), 119—133.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

All authors contributed equally to the concept, research, data analysis and preparation of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 04.04.2026
Поступила после рецензирования 28.05.2026
Принята к публикации 10.06.2026
Опубликована 30.06.2026

Received 2026.04.04
Revised 2026.05.28
Accepted 2026.06.10
Published 2026.06.30